

А. А. КИЗЕВЕТТЕР

В. О. Ключевский как ученый историк России

<Фрагмент>

Нелегко в газетной статье обозначить во всей отчетливости значение трудов Василия Осиповича Ключевского в науке русской истории. Для обстоятельного выполнения этой задачи потребовалось бы обширное исследование. Но нельзя не признать вполне естественным и законо-мерным желание общества теперь же отдать себе отчет во всей громадности только что понесенной утраты в связи с кончиной знаменитого русского ученого и профессора. И обязанность специалистов — по мере сил облегчить читателям удовлетворение этого желания. В нижеследующих сроках я попытаюсь, хотя бы бегло и кратко, наметить главнейшие отличительные особенности того крупного дела, которое было совершено почившим историком в области его науки.

Раскройте любое сочинение Ключевского, — все равно, будет ли это научно-популярный очерк или специальное исследование. Начните читать, и ваше внимание непременно с первых же страниц будет приковано к ходу мысли автора и к пленительной форме ее выражения. Чувство, которое вы испытываете при чтении, нельзя назвать иначе как очарование. Это будет очарование высшего свойства и очень сложного состава. За яркой красотой литературной речи вы почувствуете могучее своеобразие мысли, открывающее новые горизонты в изучаемых явлениях исторической жизни, внезапно освещдающее неожиданным светом внутренний смысл таких фактов и отношений, которые дотоле все обходили своим вниманием как малозначительные и неинтересные. И вы почувствуете далее, что это творческое воспроизведение давно угасшей жизни опирается на такое детальное и всестороннее знакомство историка с жизненными явлениями прошлого, которое равносильно интимному слитию самого автора с духом изучаемых им реформ.

Таковы ресурсы Ключевского как исторического исследователя и писателя: изобразительная художественность речи, возвышающаяся

до истинно поэтической силы; комбинационный талант и зоркость исторического взгляда, возвышающееся до творческого воскрешения минувшей жизни; глубокое и многообъемлющее знание старины, доходящее до проникновения в интимнейшие детали давно угасшего жизненного обихода.

С такими ресурсами почивший историк не мог не создать настоящих шедевров научного творчества в любой из тех областей своей науки, к которым обращалось его внимание. Но как бы ни были многоценны его отдельные работы, все же совокупность его научной деятельности осталась бы в истории науки только лишь ярким эпизодом, если бы вся эта деятельность не была объединена единственным жизненным нервом, единственным руководящим принципом, им впервые выдвинутым и примененным к разработке русской истории.

Такой новый для науки русской истории руководящий принцип был выдвинут Ключевским в его трудах, и вот почему совокупность всех его научных работ составила в истории нашей науки не только яркий эпизод, но целый *этап* ее последовательного развития.

Ключевский выступил на арену исследовательской работы в области русской истории не только с совершенно исключительными ресурсами знания, ума и таланта, но и со своим новым словом относительно самых методов и задач научного построения русской истории. Он высказал это свое новое слово не в форме теоретического трактата, а непосредственно в своих исследовательских трудах, в готовых, выполненных им самим образцах приложения этого принципа к изучению конкретного исторического материала. Ключевский первый в русской историографии дал в своих трудах законченный опыт построения русской истории, основанного на учении о тесной взаимозависимости экономических, социальных и политических отношений в жизни народа. Он первый, — не только в теории, но и на деле, на непосредственной разработке исторических данных, — осветил с этой точки зрения весь ход русской истории, положив в основу своего построения изучение экономической эволюции нашей родины; показав затем, как на почве этой экономической эволюции создавалась своеобразная ткань социальных отношений в домосковской и петербургской России и, наконец, приведя в связь с этим социально-экономическим процессом исторические перипетии нашей политической истории. Только с выполнением этой работы изучение русской истории стало на твердый фундамент истинной научности. Этот фундамент впервые был возведен в нашей науке и отделан с необычайным блеском виртуозного искусства не кем иным, как только что почившим Василием Осиповичем. До появления

трудов Ключевского в нашей историографии появлялись самое большое отрывочные намеки на возможность такого построения русской истории и частичные опыты трактования с этой точки зрения тех или иных отдельных вопросов. Лучшим показателем того, что этим отдельным попыткам еще не хватало прочно установленного объединяющего принципа, может служить труд учителя Ключевского Сергея Михайловича Соловьева, который в своей «Истории»* непрестанно собирал многочисленные материалы для истории и народного хозяйства, и общественных классов, и государственных учреждений, но сопоставлял все эти данные более или менее механически, как груду кирпичей, далекую от превращения в стройное здание. К этой-то груде кирпичей подошел Ключевский с законченным архитектурным планом, с твердо выработанными приемами научного строительства и с припасенным наготове надежным цементом строго научного метода. И вот почему, когда теперь спрашивают, что сделал для науки русской истории только что почивший ученый, должно, не обинуясь, дать ответ: он создал самое эту науку.

Писатели по русской истории, обширные изыскания в ее области, многотомные сводные сочинения по истории России существовали и до Ключевского. Но опыт законченного научного построения русского исторического процесса и твердый научный принцип дальнейшего изучения этого процесса — впервые был выдвинут знаменитым преемником Соловьева по кафедре в Московском университете. Новейшие исследователи, — в громадном большинстве ученики Ключевского — не во всем соглашаются с построениями Василия Осиповича. Иначе и не может быть, ибо отсутствие контроллеров означало бы смерть научной мысли. Но и наиболее рьяные оппоненты Ключевского из числа новейших историков без всякого сомнения все будут согласны в том, что и самые их возражения вырастают на почве тех именно общих принципов исторического изучения, которые были указаны, выдвинуты и практически применены на конкретных исследованиях самим Ключевским. «От изучения истории народного хозяйства к изучению классовых и сословных отношений, от анализа социально-экономического процесса к изучению государственной организации и политической жизни» — таков был принцип, не только провозглашенный Ключевским, но и оправданный им на примере собственных исследований. И этим было оплодотворено и одухотворено все дальнейшее движение науки русской истории. <...>

* Двадцатидевятитомный труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» выходил с 1851 по 1879 г.